

24 СЕН 1976

К 70-летию со дня рождения

ЧИТАЯ ПИСЬМА ШОСТАКОВИЧА...

...Поздним ноябрьским вечером позволились в Москву. Из далекого дома по улице Неждановой отпустила Ирина Антоновна.

— Дмитрий Дмитриевич не сможет подойти к телефону. Болон. Но вы задавайте вопросы, я передам ему. Он недалеко — ответит.

Так на странице «Комсомольца Таджикистана», посвященной братской республике — РСФСР, накануне 50-летия Великого Октября появилось коротенькое интервью Д. Д. Шостаковича. Он, в частности, говорил:

«Я знаком с творчеством композиторов Таджикистана. Знаю, что немало интересных творческих поисков и в произведениях молодых композиторов. Передайте им в первую очередь, мое пожелание больших успехов, новых достижений».

Видимо, это было первое выступление композитора в душанбинской печати. Оно, тем более, дорого, что Д. Д. Шостакович глубоко интересовался развитием музыкального искусства Таджикистана и других среднеазиатских республик, не раз подчеркивал его своеобразие, богатство национальных красок.

Сейчас, перечитывая страницы писем Дмитрия Дмитриевича, незольно думаешь о несовместимости его жизни и смерти, о величии его таланта, а более всего — таланта человечности. Да, быть в высшей мере человеческим — тоже талант!..

Есть имена, есть встречи, которые запоминаются на всю жизнь. Есть люди, при упоминании о которых на душе становится светлее. Такое чувство испытываешь, перечитывая неровные, поспешные строки.

Итак...

«Перечислил я, как мне кажется, наших лучших музыковедов, и, что самое глазное, историков советской музыки...».

Речь шла о 50-лети Октябрьской революции и о музыковедах которые могли бы рассказать о полувекном пути развития нашего музыкального искусства. Он мог ограничиться советом в несколько строк. А здесь — имена двадцати шести московских и ленинградских музыковедов.

Полностью — фамилия, имя, отчество.

«Сабина Мария Дмитриевна, Лебединский Лев Николаевич, Келдыш Георгий Всеволодович...» Уважение к людям? Не только это — преданность людям. Людям, которые в общем понятии не уронили и малости из-за своих человеческих недостатков. Тем, к которым относился и композитор, ректор Петроградской консерватории А. К. Глазунов. Это он в дни тяжелой болезни семидесятилетнего Шостаковича обратился с просьбой о помощи в Наркомпрос к А. В. Луначарскому: «Гибель такого человека была бы невозвратимой потерей для мирового искусства».

Человечность других помогла Шостаковичу. Высоким проявлением человечности отвечал он всем, кого встречал на своем пути. А разве не ею рождена знаменитая 7-я, «Ленинградская», симфония? Удивляясь этой музыке, иногда думаешь: как при такой физической хрупкости можно было создать такое гранди-

озное произведение? Произведение ненависти и торжества. Ненависти к врагам человечности и торжества, веры в победу добра...

«Спасибо за Ваше внимание, за номер газеты, который меня очень обрадовал...»

Эти слова написаны после статьи о вокально-симфонической поэме «Казнь Степана Разина».

Дмитрий Дмитриевич очень уважительно относился к слову своих критиков. И можно лишь догадываться на те времена, когда огульно характеризовали его музыку. Не случайно народный артист СССР Ю. Завадский писал: «Меня всегда поражала его хрупкость и, понимая, что все новое в искусстве требует огромного мужества, понимая, что он — явление и человеческое, и творческое особенное, я беспокоился за него. Казалось, Шостакович не выдержит напряжения и сломится».

Он выдержал. Композитор остался верен себе и своему искусству. Большому искусству, которому подвластно время. С полным правом считают, что музыка Шостаковича, само существование его личности — вехи нашего культурного развития. Вспомним его сонаты и прелюдии, его хоровые циклы и поэмы, вспомним, наконец, симфонии, которые, по существу, характеризовали в музыке целые периоды нашего восхождения к сегодняшнему дню. Одинадцатая, двенадцатая симфонии — страницы народного эпоса. А гениальная Четырнадцатая, психологически углубленная Пятнадцатая симфония!..

Д. Д. Шостакович своим искусством новатора прокладывал пути дальнейшего развития музыки, внес огромный вклад в ее теорию. И тем не менее, в своем письме 14 мая 1969 года пишет: «Слишком слабы мои способности к теоретическим высказываниям...». Это — тоже от скромности, от высокой требовательности к себе, к своему творчеству.

Дмитрий Дмитриевич не отвечает на несколько из ряда вопросов. Он доверительно пишет: «Иногда я даю интервью, и когда оно появляется в печати, большей частью рву на себе волосы от стыда и отчаяния. Простите меня...»

Так мог сказать только такой человек, как Шостакович. Очень точно писала о нем Галина Серебрякова: «...беспокойный, ранимый, высоко несущий звание человека Дмитрий Шостакович».

Прошло много лет. Нет среди нас Дмитрия Дмитриевича. Но звучат его симфонии, концерты, поэмы, песни. Звучит одно из поздних его произведений — сюита на слова Микеланджело, последняя часть которой названа «Бессмертие».

Музыке Шостаковича уготовано бессмертие. Она будет звучать для каждого из нас всегда — в дни радостей и тревог, в дни раздумий и поисков.

Для меня же ко всему значимому в ней присоединяется и это тихо сказанное, доброе, такое человеческое: «Простите меня...»

В. ПОНОМАРЕНКО.